

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ТРУДОВ ФИЛОСОФА

Я.Ф. Аскин

Соотношение модусов социального времени в историческом бытии (1996)

Если подходить с субстанциональной точки зрения на время, то эта проблема не вызывает затруднений. Время, будучи самостоятельным процессом, имеет разные этапы, как и всякий процесс, и это делает прошлое, настоящее и будущее равнопорядковыми по своему бытийному статусу. Здесь только надо отделить время от вечности: изменяющееся от неизменного, преходящее от постоянно пребывающего.

Однако с точки зрения понимания времени как атрибута субстанции, как формы существования материи и духовной жизни возникают проблемы реальности прошлого и будущего. Реальность не может быть сведена к мигу сегодняшнего, сиюминутного существования. Конечно, течение времени есть движение настоящего по бытию развивающегося мира, но оно оставляет позади себя не пустоту, а историю, зафиксированную в разных сферах бытия определенным образом. Здесь важную роль играет культура как накопление материальных и духовных результатов деятельности.

Существует ли в мире одно время или можно говорить о его модификациях, в частности о социальном времени?

Фактически вопрос решен, ибо употребляются соответствующие понятия: психологическое время, социальное время, историческое время, биологическое время, геологическое время, художественное время и другие, которые отличаются от времени вообще, традиционно отождествлявшегося с временем в его **физической** характеристике. Заметим, что сравнительно новым аргументом в пользу многообразия времен является широкое употребление понятий «социальное пространство», «экономическое пространство», «правовое пространство», «культурное пространство» и др. Необходимо уяснить, что коль мы употребляем последние понятия, то должны употреблять и соответствующие понятия времени, так как общая связь пространства и времени, установленная в физике (4-х мерное пространство-время теории относительности), должна проявляться и в других сферах бытия и, соответственно, других науках. Это говорится с учетом того, что физическое время, максимальное по широте охвата, остается базовым для всех других видов времени, хотя последние содержат специфические черты, обусловленные многообразием практики и научным познанием.

Появление данных – **интересный пример расширения категориально-понятийного аппарата науки и философии.**

Имеются возражения против этих категорий (была статья Р.А. Аронова). Утверждается, что время и пространство существуют реально в своих физических характеристиках, и именно они проявляются в различных формах движения, на различных уровнях бытия. Конечно, общество, человек, культура и т.д. существуют в рамках физической природы, они определенным образом включены в нее, и свойства последней не могут не учитываться в качестве естественной, природной базы всех иных процессов и состояний. Но на высших уровнях бытия появляются специальные **свойства**, не сводимые к физическим природным характеристикам.

Развитие науки, таким образом, находит свое выражение в появлении новых научных понятий и обогатении философских категорий.

Для характеристики социального времени важной проблематикой является исследование не только времени производственной деятельности, но и нерабочего времени, в котором выделяется свободное время – время досуга. Здесь немало аспектов, существенно влияющих, наряду с проблемами производственного времени, на личностные характеристики человека, характеристики социальных групп.

Специфичным для социального времени является взаимодействие объективного и субъективного моментов. Социальное время непосредственно связано с историческим, психологическим и культурным временем при их нетождественности. Последнее выражается в том, что историческое время берет лишь асинхронный аспект общества, а социальное время – оба аспекта. Психологическое время акцентирует внимание на восприятии времени и его воспроизводстве в психической жизни человека, в сознании социальных групп, в индивидуальной жизнедеятельности. Культурное время рассматривает временные аспекты культуры как способа и формы человеческой деятельности, а социальное время берет деятельность человека и социальных групп и как таковую, и с точки зрения ее способов, форм, материальных и духовных результатов. Познание человеком времени начинается с его объективного восприятия, что показывают работы по детской психологии. Но это имеет значение на всех возрастных этапах жизни человека.

Своими особенностями отличаются и способы фиксации прошлого социального времени, и многомерность социального настоящего, и то, в чем именно воплощается социальное будущее.

Ни один из модусов социального времени не может быть утерян, иначе разрушится само бытие общества и цельность человеческой жизни. Однако в различных цивилизациях, типах культур, формах общества и на разных этапах развития их ценность выступает неоднородной, неодинаковой. В сущности, такая неодинаковость в оценке модусов времени составляет одно из важнейших отличий разных эпох, социальных систем и тем самым самих типов социального времени.

Но основным все-таки должно быть – и очень часто им не является, к сожалению, – внимание к настоящему, которое представляет собой центральный модус времени, когда осуществляется переход возможности в действительность. Это очень важно и лично, для характеристики человеческого «Я», бытия человека. Нередко человек живет прошлыми воспоминаниями, сожалениями о потерях, имеющихся в прошлом, думами о возможностях, которые никогда уже не реализуются, так как условия их реализации миновали. Говоря словами из пьесы М. Горького «На дне», он едет в карете прошлого, в которой никуда не уедешь... Разумная память о прошлом превращается здесь в гипертрофированную, в своего рода жизнь в прошлом. Вряд ли можно согласиться с фрейдизмом, хотя что-то для понимания патологий психоанализ и дает.

Нередко же человек живет лишь планами, надеждами, грезами о том, что должно, по его мнению, произойти. Перспектива, наличие не только непосредственных, но и отдаленных целей – свидетельство более высокого психического типа личности по сравнению с человеком, лишенным, в сущности, будущего, этого важного компонента личностного времени. Об этом речь идет в типологии личности, предложенной русским психологом А.Ф. Лазурским. Но здесь нужна определенная мера. Жить без надежды нельзя, но и нельзя жить только в будущем, при этом человек живет либо верой в приобретения, либо

удрученный горестями, которые, как он полагает, ожидают его в будущем.

Важно все-таки, прежде всего, жить в настоящем, хотя это и трудно сделать. И обществу, и человеку. Об этом говорили давно, в частности, Эпикур: «Кому не кажется самым блестящим то, чем он располагает, тот, будь он владыкой всего мира, все же несчастен».

Важен деятельностный подход к жизни. Ведь деятельность связана именно с настоящим. Настоящее, его размеры определяются длительностью того действия, того деяния, которое берется в качестве наличного. Диапазон здесь весьма широк: от эпохи, поколения до событий, измеряемых часами, минутами и даже мельчайшими долями секунд (события в микромире). Включенность в определенный акт деятельности, который характеризует настоящее, дает возможность пребывать именно в последнем, осознавая это пребывание. Человек в акции, акте, действии, поглощенный им, – это человек в настоящем.

Таким образом, здесь может быть полезен деятельностный подход. Созерцательное, инертное бытие не позволяет жить в настоящем.

Этот подход важен и в индивидуально-психологическом и социальном плане – как для человека, так и для социальной группы, народа, общества в целом.

Жить, прежде всего, в настоящем, не обрывая при этом нитей, связывающих носителя времени (личности, социума) с прошлым и будущим, трудно, но именно это – одно из важнейших условий полноценной жизни личности и общественной системы.

При этом настоящее не может ограничиваться только преходящим, сиюминутным, оно должно быть наполнено глубоким смыслом. Необходимо учитывать связь времени и вечности. Нельзя ограничиться погруженностью лишь в «суету сует» повседневной жизни. Настоящее надо брать в его размерности с учетом единства феноменальной и сущностной сфер.

РАЗДУМЬЯ ФИЛОСОФА О БЫТИИ (на основе дневниковых записей)

Записные книжки – совершенно особый жанр творческой деятельности. Это автопортрет человеческой души вне зависимости от того, какого рода сведения хранятся в них. Здесь невозможны ложь и конъюнктурщина, ибо дневниковые записи адресованы самому себе. Это особый мир, раскрывающий нам многие стороны личности философа в гораздо большей степени, чем статьи и рассказы о нем. В своих повседневных спутниках ученый, высказывая мысли и чувства от прочитанного, увиденного, пережитого, по-философски, нередко афористично, иногда с присущим ему чувством юмора отражает восприятие жизни. По признанию

самого Якова Фомича, в дневниках выражается потребность фиксировать свое бытие, оставлять «письменный след».

В дневниковых записях философ предстает не как ученый академического направления в философии, автор четких формулировок, логических рассуждений, а как человек, напряженно размышляющий об экзистенциальных проблемах – бытие как жизнь, жизнь и смерть, проблема счастья, смысл существования, конечность жизни, а самое главное – человек как самое непонятное, самое таинственное существо для самого себя: почему я поступаю так или иначе, почему я этого не делаю, «сплошь и рядом сие либо вовсе непо-